

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Валерий Голофаств

Вниманию читателей предлагается текст, который был написан осенью 1987 года. И хотя перестройка уже в прошлом, и мы живем в другой стране, статья Валерия Голофаства по-прежнему остро актуальна. К сожалению, она не была услышана тогда (хотя и прозвучала на чтениях под названием «Социология и перестройка» в ноябре 1987 года), да, пожалуй, недостаточно полно осмыслена и сегодня. Поэтому публикация этой глубокой, «смотрящей вперед» на 20 лет статьи представляется целесообразной.

Тема социально-культурного развития слишком обширна, чтобы быть в целом предметом одного сообщения. Ниже мы затронем в тезисном виде несколько аспектов, являющихся, на наш взгляд, важными для понимания механизма перестройки в целом.

В период застоя сложилась устойчивая тенденция вытеснения научного языка и терминологии социологии конъюнктурной политической лексикой, которая использовалась для оправдания актуальности и новизны исследования – гипертрофия формы маскировала тривиальность или искусственность содержания.

В результате интенсивной теоретической работы за последние два года выделено существенное качество структуры общества периода застоя, которое обозначается как командно-бюрократический тип хозяйственных и политических отношений. Прослежены исторические и социально-структурные предпосылки живучести этого типа и в общем виде установлена эпоха его генезиса – рубеж 20-30-х гг. Мы присоединяемся к тем авторам, которые считают командно-бюрократический тип отношений необходимым следствием и проявлением режима форсированного развития.

В социально-культурном плане представляется крайне важным, что устойчивость, живучесть, всепроникающий характер командно-бюрократического типа отношений привел к появлению особого массового типа личности.

Попробуем реконструировать данный тип личности, посредством указания на сугубо гипотетическую систему ее свойств или черт. При этом мы убеждены, что суть проблемы состоит не в установлении дескриптивно полного или даже представительного списка черт /подобная задача успешнее решается сегодня, возможно, литературой и публицистикой/, сколько в том, чтобы постепенно приблизиться к пониманию основы структуры и динамики, потенциала и социального содержания массового типа, вынуждаемого к жизни условиями командно-бюрократической системы отношений.

Перечислим эти черты:

- некритическая готовность к полному, безусловному, бездумному подчинению перед вышестоящими лицами или инстанциями, готовность к подчинению любым требованиям, идущим сверху;
- подверженность лозунгу, вере, пропаганде. Это качество следует обозначить как сверхпластичность. Благодаря этому для личности характерна мгновенная переориентация, отзывчивость на призыв, лозунг или давление, что, конечно, требует повышенной эмоциональности. Легковерие и эмоциональность натуры, поскольку они связаны с внешними стимулами поведения, проявляются в противоречивых тенденциях. С одной стороны, для личности характерна пассивность ожидания все новых и новых стимулов, без которых поведение пребывает в заторможенном состоянии, а в психическом плане – в напряженности ожидания; с другой стороны, для поведения в целом (если брать

не отдельные его фазы, а более продолжительные отрезки) характерна повышенная импульсивность, т. е. такой стиль, когда реактивность на внешние стимулы обычно перевешивает многократно реакцию на стимулы внутреннего порядка, будь они преимущественно физиологического или морального или иного толка. Ярко проявляется это качество личности в толпе, в условиях недостаточно развитых групповых связей, но и в рутинных обстоятельствах ежедневного взаимодействия импульсивность поведения выделяется как особое его качество – идет ли речь о взаимодействии родителей и детей, потребительском поведении или телесмотрении;

- высокая агрессивность, которая легко распространяется как на нижестоящих, так и на психологически близких лиц, находящихся нередко на одной и той же ступеньке социальных рангов. Агрессивность поведения легко переходит в произвол, самодурство, всевластие, полную потерю, хотя, конечно, сугубо ситуативную, ограниченность моментом, всех социальных рамок и ограничений, контролирующих агрессию. В групповом поведении это качество проявляется как повышенная жесткость и даже жесткость в отношении лиц, противостоящих группе, либо как равнодушие, ослабление эмпатических способностей по отношению к постороннему или даже любому другому лицу, как – либо выделенному, но не возвышающемуся над группой;
- крайняя нетерпимость к сопротивлению, сомнению, колебанию, инакомыслию, подозрительность к реакции другого, особенно если она кажется странной, непривычной, выпадающей из согласованной модели, устоявшегося рисунка коллективного поведения. Подобная психологическая близорукость, не допускающая свободы рефлексивности в поведении другого, сводящая поведение партнеров к импульсивности собственного поведения, некритическая вера в аутентичность действия одинаковых стимулов на всех участников взаимодействия, приписывание другим только одного образа реальности – своего собственного, и образует психологическую основу нетерпимости и далее агрессивности, ведущей вплоть до самосуда толпы, возникающего как пожар в пересушенном лесу от слабой и случайной искры подозрительности или ложной догадки (импульсивное прочтение странного поведения). Импульсивность реакций и близорукость в осмыслении поведения других лиц на внутрипсихологическом уровне проявляется в разорванности структуры мотивов, их слабой внутренней согласованности и связанности друг с другом. Поскольку поведение личности все время зависит от текущих стимулов внешней среды в несоизмеримо большей степени, чем от внутренних обоснований поведения, то при объединении разных фрагментов действий в пространственные фрагменты, обнаруживается такое их качество как алогичность. Алогичность, бессвязность, несмысленность касается как поведения, так и мысли, проявляется как разорванность мотивов, так и как слабость взаимного структурирования самих действий, недостаточная их интегрированность как длящегося и относительно непрерывного процесса, относительно автономного благодаря уже самому факту единства личности.

Возможно, наиболее важное следствие такой организации жизнедеятельности личности – это неразвитость жизненной перспективы. По сути, в условиях господства

командно-бюрократического типа социальных отношений сложилась лишь одна достаточно развитая модель жизни – это служебный карьеризм, только такая жизненная перспектива обладала достаточной ясностью, развращенностью, могла успешно соподчинять мотивы, чувства, стремления человека в связанное перспективное целое. Но, как известно, модель карьеризма не является всеобщей, равно принимаемой с одинаковой готовностью всеми участниками коллективной жизни. Ясно, что наиболее важной альтернативой карьеризма становилась пассивность, апатия, безучастность, готовность плыть по течению, дрейфовать, что и является лишь ярким психологическим проявлением неразвитости, несформированности жизненной перспективы. Возможно ли внутренне приспособиться к дрейфу коллективной организации жизни, не принимая карьеризма как организующего внутреннего стержня индивидуальной жизни, а вырабатывая свою модель жизненной перспективы и осуществляя ее практически, ежедневно – это вопрос о силе социального контроля и внешнего давления жизненных обстоятельств на личность. Если эта сила велика, если она такова, что личности с ней не справиться, неизбежны ее деструкция или, что куда более вероятно, отказ от попыток отстоять свою жизненную перспективу на практике, превращение ее в мечту, точнее фантазию, которая может остаться живучей, навязчивой, или эфемерной, скользкой как полубытовое воспоминание юности.

Было бы ошибкой считать, что массовый тип личности, для существования которого командно-бюрократический тип отношений создавал режим наибольшего благоприятствования, обладал лишь нейтральными или индивидуально дисфункциональными свойствами. Высоко ценимым позитивным качеством сложившегося массового типа личности, имевшим огромное значение для социального развития, является легко мобилизуемый энтузиазм, высокая способность к рывку, кратковременному чрезвычайному усилению, на какие бы цели они не направлялись – социальные или цели индивидуального спасения в минуту опасности. Человек привычен к действиям в условиях стресса, дефицита времени или средств жизнеобеспечения. Обратной стороной, естественной платой за эти свойства становятся ослабленные способности к длительной, автономной деятельности, регулярной рутине, к деятельности, наполненной последовательной самоорганизацией, опирающейся на внутренний постоянно совершенствуемый и корректируемый, перестраиваемый план или на устойчивую, отработанную веками коллективную традицию, за исполнением которой человек следит, опираясь на внешние приметы и ритуалы коллективной поддержки и интеграции отдельных действий, как это было характерно в прошлом для народной крестьянской традиции.

Внешне управляемая порывистость действий, легкая мобилизуемость личности связана и с такой ее чертой, как стремление снять с себя ответственность за возникновение или последствия действий. Ответственность имеет тенденцию делегироваться вверх (за цели) или вниз (за последствия), или перекладываться на обстоятельства, или связываться с установленными правилами и несовершенным регламентом действий. Вообще изобретательность в оправдании ухода от ответственности становится естественным приспособлением в тех условиях, когда личность образует лишь малую, неясную часть коллективного процесса, когда она не имеет ясного образа своего места и веса в общей его структуре. Психология винтика, которая не просто подчас декларируется сверху, но и культивируется жестким разделением сфер компетенции, ограничением инициативы, неизбежно принуждает апеллировать к форме социальных действий, а не к содержанию, доходя подчас до фетишизма формы,

до ее бесконечной символической ритуализации, воспроизведения и повторения даже тогда, когда самого действия нет, или в нем нет физической или технической необходимости. Важно подчеркнуть, что символически повторяются лишь фрагменты действий, или отношений, их наиболее эмоционально насыщенные фазы (в народной традиции, вследствие обозримых масштабов действия, ритуал не отрывается и не противопоставляется действию, он идет параллельно ему или непосредственно переходит в действие, включается в самое его ткань). Наконец, апелляция к форме действия, означает повышение внимания к правилам, писанным установлениям, а не к принципам, не к нравственным и культурным ценностям, что характерно для систем углубленного самообоснования социальных действий.

Можно сделать два основных вывода из представленного выше образа массовой личности: а) человек силен в группе, силен конформизмом и лояльностью к группе, особенно если она хорошо организована, обладает развитой заданной структурой, но слаб в одиночку, индивидуально, ему все время нужна поддержка, опора на внешние силы; у человека нет устойчивой уверенности в своем потенциале, в своих силах в отвлечении от ясного группового контекста; б) группа обладает ослабленной способностью к самоорганизации, она легко разваливается, если нет жесткого инициативного лидерства, жесткой структуры; в рыхлой ситуации легко возникает деморализация членов группы, а коллективная деятельность принимает причудливое и плохо предсказуемое направление; группа легче организуется перед лицом внешней угрозы, чем под влиянием внутреннего стремления или потребности.

Конечно, никак нельзя признать, что представленное нами описание массового типа личности, производного от командно-бюрократического типа отношений, можно считать вполне беспристрастным, скорее это его критика, стремящаяся указать как на силу, так и на слабость исторически формируемых явлений в сфере социальной психологии и тем самым определить пути и направления социально-культурных изменений или даже воздействий на сложившиеся тенденции. Вопрос о том, является ли данный тип массовой личности широко распространенным, единственным, или с ним соседствуют другие типы, сегодня нужно оставить открытым для эмпирических и теоретических поисков.

* * *

Другое важное проявление форсированного режима развития – это глубокий разлад между воспроизводством общественных отношений и воспроизводством культуры, который обсуждается всеми комментаторами и критиками периода общественного застоя.

Здесь требуется некоторое пояснение теоретико-методологического порядка.

В отечественной литературе сложились две крайности в понимании соотношения общественной и культурной системы. Согласно одной точке зрения, культура есть не более чем рефлекс сложившейся системы общественных отношений. Такую концепцию можно назвать «классовой» теорией культуры, ее основное качество – вульгарный социологизм и редукционизм. В наиболее яркой форме данная концепция была характерна для устремлений деятелей Пролеткульта, пытавшихся отбросить или даже разрушить все проявления культуры прошлого как буржуазной и чуждой и возвести новое здание культуры, целиком соответствующее условиям новых общественных отношений. Иллюзия рефлексивного соотношения общества и культуры, общественного развития и культурного прогресса крайне живуча и поныне. Другая крайность считать культуру (в рамках национального общества) инвариантом, такой его чертой, которая в

принципе мало меняется, несмотря на изменение общественных порядков. Конечно, это широко распространяясь в эпоху становления национальной государственности концепция культурной уникальности, духа народа. Сегодня к этой разновидности теорий культуры близки по своим умонастроениям сторонники неославянофильских взглядов. Обе крайности в теории культуры неоднократно подвергались критике, и мы вспоминаем об этом лишь затем, чтобы подчеркнуть относительную самостоятельность культурного процесса от социального. Этим объясняется, в частности, существование в современном обществе особых институтов культуры, как важной части институциональной структуры в целом. Речь идет о системе образования, многочисленных институтах художественной культуры, системе науки, а также системе морали, права и идеологии. Культурные функции, как известно, выполняются также системой массового производства материальных благ и услуг, семьей, а также посредством обмена материальными и духовными благами и ценностями с другими обществами и культурами. Как хорошо известно, во всех этих областях кроме, возможно, семьи, выявлен глубокий кризис или констатировано предкризисное состояние. Все эти области в той или иной мере подлежат глубокой перестройке.

Рассмотрим коротко проблемы, с которыми общество столкнулось сегодня в некоторых из перечисленных выше институтов культуры.

Образование. Для системы образования сегодня торчком является крайняя формализация, чрезмерная ее централизация. С этими качествами связывается необходимость нового определения стиля отношений и взаимных прав учителя и ученика, преподавателя и студента, оживление процесса самоорганизации в школе, необходимость вписывания деятельности школы в широкий социальный контекст, а не только в систему бюрократического соподчинения и координации. Это предполагает как изменения отношений между учебным заведением и другими общественными учреждениями и общественностью, но и, что, может быть, даже образует стержень всех программ реформы школы, устранение программно-догматизма, создание новой системы учебников и методик обучения. Объективной трудностью подобной реорганизации сегодня становится неясность соотношения естественных, гуманитарных, социальных и пракстических сфер обучения, которые следует установить в интересах общества на разных этапах обучения. Простое решение – поддерживать баланс между этими сферами на всех этапах и во всех видах обучения (своеобразная программная уравниловка) осознается все больше как нереалистическое, невыполнимое, догматическое и демагогическое требование, которого не выдерживают ни напряженность расписания, ни имеющаяся структура кадров преподавателей и воспитателей, ни материальная база системы образования.

Застарелой чертой системы образования в нашей стране является неясность решения проблемы раннего отбора способностей и их развития в условиях действия принципов всеобщности и обязательности обучения и единства школ. Широко распространилась подмена критерия способностей действием социальных факторов происхождения, контроль за этим процессом малоэффективен, а плюрализация путей образования не компенсируется возрастанием шансов и льгот способным учащимся.

Развитие ведомственной системы в народном хозяйстве проявляется в структуре системы образования как тенденция к принудительной узкой специализации, что, с одной стороны, обесценивает общие, выходящие за пределы специализации знания, делает их отвлекаемыми и как бы не нужными, необязательными, обременительными, а с другой стороны, влечет сужение круго-

зора специалиста, делает его неспособным к самостоятельному синтезу опыта, к ограниченной способности творческого применения и развития знаний и навыков в собственной деятельности.

В системе образования в территориальном плане сложной остается проблема выравнивания потенциала учебных заведений по оси центр-периферия. Это связано, в частности, и со сложившимися традициями отрыва вузовской системы от академической науки, а самих этих двух подсистем от отраслевой системы и, тем самым, от практических и социальных областей применения знаний. Даже в крупнейших городах вузовская система, если иметь в виду конкретный профиль, сохраняет характер монопольных каналов. В многомиллионных городах мы не имеем вторых университетов, а в пределах учебного заведения у студента нет выбора преподавателя или конкурирующих между собой курсов обучения. Итак, как и в средней школе, программный догматизм и унифицированность глубоко проникают в сами принципы организации вуза или университета, разрастаются как сквозные характеристики системы образования в целом.

Система институтов художественной культуры. В области литературы, музыки, живописи, архитектуры и киноискусства, как одно из решающих завоеваний эпохи гласности, продолжается процесс восстановления культурных ценностей и фигур деятелей культуры, которые если и существовали, жили прежде, то скорее негласно, т. е. вне официальной системы художественных ценностей: вне издательств и библиотек, глубоко упрятанные или забытые в архивах или частных собраниях, в самиздате, вне энциклопедий, музеев, театров и газет, в памяти отдельных людей, в частной сфере жизни. Пересмотр и восстановление целых зон исторической памяти означает, конечно, изменение в области политической истории в целом, а не только официальной оценки ряда отдельных фигур.

Но ведь это означает, что никогда не исчезли общественные силы, которые дорожили этим, восстанавливаемым в своем статусе достоянием, которые им питались, жили, что у них сложилась своя система критериев и рангов культурных ценностей и фигур, свои разряды классики. Стремительно происходят передвижки по всей шкале рангов, захватывая все институты культуры, опережая даже смену кадров в них. Теряют актуальность отработанные штампы эпохи застоя, а некоторые из них настолько обесцениваются, что превращаются на глазах в хлам. Изменения в исторической памяти и в системе культурных ценностей не могут рано или поздно не сказаться на общественном статусе людей, благодаря усилиям и качествам, которых они становятся возможными.

Система обмена материальными и духовными ценностями с другими обществами и культурами. Разумеется, в этой области новые тенденции складываются десятилетиями и имеют столь же длительные последствия. Если совсем коротко, важное значение имеют, на наш взгляд, следующие процессы: а) импорт одежды, обуви, косметики и галантереи, что, в конечном счете, создает особый внешний облик человека и меняет критерии его самооценки и оценок окружения, б) импорт товаров НТП, как средств производства, так и предметов потребления, который создает новую систему оценок общественного развития в этой сфере. Вероятно, эти процессы, идущие уже не первое десятилетие, приобретут новое качество вместе с децентрализацией внешней торговли, в) импорт телепрограмм, организация диалогов и телемостов, более широкая политика обмена кинопродукцией, выставками и фестивалями. Такие масштабные программы, как годовой фестиваль СССР-Индия, создают новое качество туризма, обмена студентами и специалистами, возникновение «публичной дипломатии». Все эти явления, в конеч-

ном счете, резюмируются в преобразования системы социально-культурных ценностей, более богатой, гибкой, универсальной, теснее связанной с общечеловеческой основой прогресса, мира, благосостояния и демократического мировосприятия.

Заключая эти заметки, напомним, что культурный переворот – один из вопросов всякой революции. Из истории известно, что социально-культурные перевороты могут быть и предпосылкой и следствием переворотов в других сферах общества, они могут приобрести и относительно независимый характер, оставаясь до поры до времени латентным событием в общественном процессе, таким событием, суть которого сознают немногие или вообще значение которого осознается лишь в глубокой ретроспективе.

Нужна ли культурная революция для успеха перестройки? Или она станет ее следствием? Частично ответ зависит

от того, что станет главным в перестройке, в ее двуединой задаче: реформа механизма хозяйственного управления или демократизация? Впрочем, возможно, культурная революция уже идет полным ходом, хотя мы и не осознаем степени ее проникновения в ткань обыденной жизни и ее всеобъемлющего, всепроникающего характера. Заметим, кстати, что на уровне личности вряд ли культурная революция может быть отождествлена с грамотностью, формальной доступностью культурных ценностей и т. п. исторически обусловленными изменениями культурной революции для человека, то следует скорее думать о неудержимой потребности в новом типе жизненной перспективы, при которой новые культурные ценности входят в число первоочередных, приоритетных потребностей, отодвигая на второй план, делая подчиненными все, даже в какой-то мере биологические, нужды людей и их самые настоятельные социальные обязательства.